

Норвежская сказка " Рассказы Берты Туппенхаук... "

Лиса–обманщица была наконец убита, шкурка с неё снята, и в домике у старосты мы справили по рыжехвостой шумные поминки. Однако за день все порядком устали, поэтому никто не хотел долго засиживаться. Когда пробило одиннадцать, все стали собираться по домам. Староста предложил мне лошадь. Это было очень любезно с его стороны, но я отказался. Проезжая дорога делала большой крюк, и я предпочел идти на лыжах напрямик через лес.

И вот с ружьём и с лисьей шкуркой за спиной я отправился в путь.

Лыжная тропа была отличная. Днём немного подтаяло, вечером подморозило, и глубокий снег покрылся плотным настом. В небе светил месяц и весело подмигивали звёзды. Чего ещё может желать путник?

Я быстро мчался по лесистым холмам и берёзовым рощам. Вершины деревьев, побелевших от инея, переплетались ветвями, и над головой у меня сверкал блестящий серебряный свод. Было очень тихо. Лишь изредка раздавалось то уханье совы, то визгливый лай лисиц, затеявших драку, то лопотание зайца,— может, он жаловался на стужу, а может, испугался крика совы...

А потом всё стихало. И только шарканье лыж нарушало тишину ночи.

Вдруг где–то совсем близко послышался скрип полозьев, и вскоре со мной поравнялись лёгкие низенькие сани.

Я посторонился, чтобы дать дорогу, но незнакомец, сидевший в санях, придержал лошадь и заговорил со мной.

По ружью и лисьей шкурке у меня за плечами и по моей охотничьей шапочке он сразу догадался, что я охотник, и сказал, что только что, когда он ехал вдоль высокого берега реки, он видел стаю волков. Волки шли по льду на эту сторону. Если я потороплюсь, то, пожалуй, успею их догнать.

Поблагодарив его, я двинулся дальше в путь.

Крутой склон холма, спускавшийся к реке, порос еловым лесом и густым кустарником. Лыжи сами несли меня вниз, ветки хлестали по лицу, в глазах всё мелькало и рябило. Я летел вихрем, не различая дороги, ничего перед собой не видя, и, прежде чем успел что–нибудь сообразить, наскочил на пенёк.

Одна из лыж сломалась, ружьё отлетело в сторону, а я сам растянулся на снегу.

Несколько минут пролежал я словно оглушённый. Потом попробовал встать, но почувствовал такую сильную боль в левой ноге, что не мог сделать и шагу.

Кое–как ползая на коленях, я обшарил кругом снег и наконец нашел своё ружьё. Опираясь на него, как на палку, я спустился вниз к реке.

Тут я притаился за бугром и с нетерпением охотника стал поджидать волков. Скоро они появились. Их было пять; они медленно шли друг за другом по берегу.

Подпустив стаю шагов на сорок, я нажал правый курок моей двустволки. Ружьё дало осечку. Нажал левый курок, но слишком поспешно — порох вспыхнул и пуля ударилась о вершину ели, стоявшей на другом берегу.

Испуганные волки, вытянув хвосты, полным ходом умчались в глубь леса.

Раздосадованный, вылез я из своего убежища и, поминая недобрым словом проезжего, поплёлся по берегу, пытаюсь понять, где же я нахожусь. К великой моей радости, я скоро заметил на другом берегу лёгкий дымок, поднимавшийся над верхушками деревьев, и крышу, мелькнувшую между елями.

Ну, слава богу, знакомые места! Это мыза Туппенхаука. Хозяин её работает в том самом имении, где я живу.

Домик весело светился в темноте всеми своими окошками.

С трудом, сильно хромая, я перебрался на другой берег, дотащился до двери, толкнул её и вошёл в комнату, облепленный снегом с головы до ног.

— Силы небесные! Кто это? — испуганно вскрикнула старая Берта Туппенхаук и выронила окорок, который она резала, сидя возле печки.

— Добрый вечер, Берта,— сказал я.— Да ты не бойся! Разве ты не узнаёшь меня?

Берта всплеснула руками.

— Ах, это вы, господин студент!.. Ну и напугали же вы меня! Смотрю — дверь открывается и на пороге стоит кто–то белый...

А время–то глухое, самая полночь.

Я рассказал ей в двух словах о том, что со мной случилось, и попросил послать кого–нибудь из её сыновей в имение за лошадью и санями.

— Ну, не правду ли я говорила, что волков лучше не трогать,— проворчала старуха.— Сколько раз предупреждала: не ставьте на волков капканы, не то худо будет!

Да мне не верили. А вот и Пер Нордигорен в прошлом году сломал себе ногу, а нынче — вы!.. Теперь небось все поверят старой Берте.

Да, уж кто–кто, а волк никому не прощает обиды...

И, бормоча что–то себе под нос, она направилась в угол, где стояла большая кровать. Оттуда по всему дому разносился разноголосый семейный храп. Старая Берта наклонилась над белокурым пареньком, лежавшим с краю, и принялась его будить.

— Вставай, вставай, маленький Ула! Надо сходить в имение за лошадью для господина студента.

— А–а–а! — сладко зевнул маленький Ула и повернулся на другой бок. Он любил хорошо поспать и не видел необходимости отказывать себе в этом удовольствии из–за всяких пустяков. Прошла целая вечность, пока он вздыхал, зевал, что–то невнятно бормотал и протирал глаза.

Наконец он вылез из–под разноцветного тряпья на кровати, натянул штаны, нашел куртку. Но он никак не мог взять в толк, что от него требуется, и только когда ему было обещано несколько монет за труды, в голове у него прояснилось.

Пока Берта вела переговоры с сыном, я осмотрелся по сторонам. Чего только не было в этой хижине! И ткацкий станок, и прялка, и старые колоды, служившие, как видно, вместо стульев, и метлы, и кадки, и полуобтёсанные топорща, и куры на насесте, и мушкет на стене, и сохнувшие чулки под потолком, и ещё множество самых разных вещей — всего не перечесать.

Выпроводив за дверь парнишку, Берта под села рядом со мной к очагу. Она была в праздничном наряде: синяя кофта, обшитая блестящей шёлковой тесьмой, чёрная юбка в складку, чепец с развевающейся сзади кисеёй.

Лицо у Берты было широкое, скуластое, кожа отливала желтизной, раскосые глаза смотрели так, что казалось, они пронизывают насквозь. Увидев её, каждый сказал бы, что она похожа на колдунью. А что касается жителей округи, так никто в этом и не сомневался.

— Послушай, Берта, уж не ждёшь ли ты гостей? — спросил я.— Очень уж ты принарядилась!

— Нет, я никого не жду,— сказала Берта.— Я сама вот только домой вернулась. Знаете, как бывает,— идёшь к одному, а по дороге позовут еще пятеро: того лихорадка трясёт, этот ногу повредил, у кого ребёнка сглазили, у кого лошадь занемогла. А кто поможет? Берта! Всё Берта!

— Скажи, а вывихи и ушибы ты тоже умеешь лечить? — спросил я с самой серьёзной миной.

— А как же! Сколько над беднягой Нордигореном мудрили все эти учёные доктора,— сказала Берта с усмешкой,— а на ноги он встал всё–таки тогда, когда за дело взялась старая Берта! Если господин студент не гнушается, я могу полечить и его. У меня как раз на такой случай есть наговорная водка.

— Сделай одолжение! Я не сомневаюсь, что только ты мне поможешь,— сказал я.

Очень уж мне хотелось вывести её знахарские хитрости.

Берта подошла к старому, рассохшемуся шкафу и достала оттуда пузатую бутылку и рюмку на деревянной ножке.

Наполнив рюмку до краёв, она стянула с моей больной ноги сапог, а потом, наклонившись над рюмкой, стала что–то шептать. А так как она была глуховата, то, сама того не замечая, говорила всё громче и громче. Поэтому я от слова до слова услышал таинственное заклинание, которое Берта ни за какие деньги не открыла бы мне, если бы я стал её просить.

А так как для успеха колдовства это заклинание надо повторить трижды, я его отлично запомнил.

Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срastутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!

Берта то вставала, то снова садилась, и, повторив заклинание в третий раз, плюнула на все четыре стороны. Потом быстро вылила водку на ушибленное место и стала осторожно растирать мою распухшую ногу.

От холодной водки и от растираний мне сразу стало легче. Чтобы знать эту премудрость, и вправду не надо быть доктором! Но я не хотел огорчать старушку.

— Спасибо, Берта! Кажется, твоё заклинание уже помогает,— сказал я .— Может, ты мне выдашь секрет, скажешь, как ты заговариваешь водку?

— Нет, нет, и не просите,— поспешно ответила Берта.— Тому, кто научил меня этому делу, я поклялась страшной клятвой не открывать его тайны ни одному человеку.

— Да кто же это такой был? Верно, настоящий колдун? — допытывался я.

— Колдун не колдун, а с любым колдуном мог поспорить,— ответила Берта.— Это был мой дядя, брат моей матери, Масс. Он умел заговаривать любую болезнь, останавливать кровь и даже находить краденое. Нечего греха таить, случалось ему не только лечить, но и насылать всякие хворости. Вся округа его побаивалась... Да, никто не станет спорить — большого ума был человек! А всётаки и он не уберёгся от порчи!

— Как так? Расскажи, пожалуйста, если это не тайна,— пристал я к ней.

Старая Берта помолчала с минуту и начала рассказывать.

— Может, вы мне и не поверите,— сказала она, поглядев на меня искоса,— но я своими собственными ушами слышала от дяди Массу эту историю.

Случилось это давно, когда я ещё девочкой была. Дядя Масс жил тогда в Кнэ,— знаете Кнэ, что в Хюрдальской долине? Он был дровосек и часто ходил в горы рубить лес да и оставался там по несколько дней подряд.

Для дровосеков это дело привычное. Устроят себе шалаш из сосновых веток, разложат перед входом огонь и спят себе как дома.

Однажды дядя Масс работал в лесу с двумя товарищами.

Только что повалил он огромное дерево и присел на пень отдохнуть, как вдруг видит: прямо под ноги ему катится большой клубок пёстрых ниток.

Дядя Масс удивился. В самом деле, откуда в дремучем лесу взяться клубку пёстрых ниток? Дядя Масс долго не решался даже дотронуться до него (и лучше бы ему никогда до этого клубка не дотрагиваться!), но что там ни говори, а любопытство всётаки разобрало его. Поглядел он направо, налево, поднял голову вверх и видит: неподалеку от того места, где он только что повалил сосну, на уступе скалы сидит девушка. Сидит себе и вышивает.

Никогда ещё — ни во сне, ни наяву — не приходилось ему встречать такой красавицы. Смотрит он на неё во все глаза и пошевелиться не может.

А она усмехнулась, повела бровью и говорит таким голосом, будто ручей журчит:

— Что же ты стоишь? Поддай мне мой клубок!

Дядя Масс поднял клубок, подал ей, а сам всё глядит, глядит на неё, глаз не оторвёт.

Наконец опомнился, схватил топор и снова принялся за работу. Да какая уж тут работа! Машет топором, а у самого красавица из ума не идёт. Наконец не выдержал он и опять глянул наверх. Что за диво! На скале уже никого нет. Исчезла его красавица, будто на крыльях улетела.

Целый день ходил он сам не свой. Всё по сторонам оглядывался, красавицу свою искал. И ночью — товарищи его как легли, так и уснули, а ему не спится. Лежит и всё чего-то ждёт. И дождался-таки!

Вошла она в шалаш неслышным шагом, взяла его за руку и повела за собой. Даже не спросила, хочет он идти или не хочет. А он идёт и сам не понимает зачем, а всётаки идёт... Привела она его к каменной горе. Там, в подземной пещере, было её жильё. Да ведь какое! Дядя Масс говорил, что и слов таких нет, чтобы описать это богатство!

Три дня прожил в подземном дворце дядя Масс, три дня праздновал свою свадьбу с лесной красавицей.

А на четвёртый день проснулся он, открыл глаза, глядь — лежит он снова в своём сосновом шалаше подле товарищей. И ни красавицы его, ни дворца — ничего нет!

Встал дядя Масс и поскорее взялся за топор. Товарищам ничего не рассказывает. Да и они его не спрашивают. Думают — верно, кончились у него припасы, он и ходил домой в Кнэ за хлебом да за сыром, вот и всё.

А только с той поры стали они примечать за ним что-то неладное. Сидит он как ни в чём не бывало у костра, чинит что-нибудь или топор направляет, да вдруг как вскочит ни с того ни с сего и убежит в лес, —будто кто его позвал...

А его и вправду позвали,— только другим не слышать.

Воротится он из лесу, сядет где-нибудь в сторонке, подальше от людей. Молчит, смотрит в землю, усмехается. А спросят его: «Да что с тобой, Масс? Где ты был?» — только отвернётся да отмолчится — вот и весь ответ. Совсем околдовала его лесная жена...

Однажды рубил он колья для изгороди.

Только что повалил он дерево и забил клин,— да так ловко, что расщепил ствол во всю длину,— вдруг видит: выходит из чащи его красавица. В руках у неё серебряное ведро. И несёт она ему в этом ведре похлёбку из сметаны. Такую густую, жирную, вкусную — просто объеденье!..

Уселся он на пенёк, поставил перед собой ведро, а жена напротив — на расщепленное дерево присела.

Да не пришлось Массу этой похлёбки попробовать. Едва взялся он за ложку, смотрит — что такое? — из щели ствола, на котором сидит его жена, высовывается кончик хвоста... Тут Массу точно громом ударило.

Так вот оно что! Значит, жена-то его попросту — русалка, нечисть лесная!

Вскочил он, вышиб с одного удара клин из дерева и защебил русалочий хвост. Заметалась русалка, как лисица в капкане, оторвала хвост — и бежать.

Он даже глазом моргнуть не успел, а её и след простыл.

Стоит дядя Масс как вкопанный и только шепчет:

— Сгинь! Пропади! Сгинь! Пропади!

Сколько он так стоял, он и сам не помнил.

Потом очнулся, смотрит: вместо серебряного ведра — перед ним корзина из берёсты, а вместо сметанной похлёбки — болотная тина со всякими там пауками, слизняками да головастиками.

С той поры дядя Масс никогда не заглядывал в этот лес. Очень уж он боялся, чтобы русалка в отместку не превратила его в зверя, в птицу или просто в трухлявый пень. Они это умеют.

Прошло пять лет. И вот раз отправился дядя Масс разыскивать пропавшую лошадь. Шёл он, шёл и забрёл в тот самый лес. Сам ли он с дороги сбился, или нечистая сила его заманила, а только попал он в такую чашу, в какой ему отродясь бывать не приходилось. Глушь да темь.

И стоит в этой глуши маленькая хижина. От земли до крыши мхом обросла. И кому охота в таких дебрях жить!..

Заглянул дядя Масс в окошко, видит — хозяйничает в хижине какая-то женщина. Не поймёшь, старая или молодая,— уж больно безобразна.

Месит женщина какое-то тесто зелёное. А в углу сидит ребёнок лет четырёх — весь в мать лицом.

И вдруг оставила женщина работу, налила в кружку пива и говорит ребёнку:

— Вынеси-ка пива твоему отцу! Вон он там стоит, под окном.

Как услышал это дядя Масс, так и бросился бежать без оглядки. И только тогда дух перевёл, когда затворил за собой дверь своего дома в Кнэ и запер её на засов.

С тех пор дядя Масс никогда уже не ходил в горы и даже из Кнэ навсегда уехал, чтобы только подальше быть от тех мест...

— А всё-таки,— закончила свой рассказ старая Берта,— даром это ему не прошло. Так и остался он с той поры и до конца дней своих словно не в себе. Большого ума человек, а с придурью!..

— Да он, может быть, так с придурью и родился, твой дядя Масс из Кнэ,— сказал я .— И уж что там ни говори, а в колдовстве он не много смыслил! Ну что это за колдун, если сам не может уберечься от порчи!

Берта, может быть, и была в душе со мной согласна, но продолжала уверять, что такого умелого знахаря, как её дядя, и не было, и не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

будет.

Я не стал с ней больше спорить, потому что мне хотелось услышать от неё ещё какуюнибудь чудесную историю.

И в самом деле, старая Берта разговорилась.

Я набил трубку, закурил от горячей лучины, которую протянула мне Берта, и приготовился слушать.

— Да, уж если русалки и тролли вздумают обморочить человека,— сказала Берта,— так будьте спокойны, они вам так отведут глаза, что вы самого себя не узнаете. Вот послушайте, что случилось однажды в городке Мельбу.

Как-то летом погнали девушки коров и коз на горные пастбища в Халланд.

Сначала всё было хорошо, но через несколько дней скот ни с того ни с сего начал беситься. Сладу с ним никакого не было. Девушки просто из сил выбились, гоняясь за одичавшей скотиной.

Они уж не знали, что им и делать: гнать ли стадо обратно в Мельбу или звать кого-нибудь на помощь. Но тут к ним на горное пастбище пришла ещё одна девушка из их селенья. По всей округе она считалась первой красавицей и была только что просватана.

И что ж вы думаете — стоило этой девушке показаться в горах, как скотина сразу успокоилась — и коровы, и овцы, и козы. Пасти их стало так легко, что девушка уговорила подруг вернуться домой, а сама вместе со своей любимой собакой осталась в горах присматривать за стадом.

Однажды сидела она после полудня у себя в хижине и пряла шерсть.

Вдруг дверь открывается и входит её жених.

Девушка удивилась. Она не ждала его в эту пору. А он как ни в чём не бывало садится возле неё на лавку и говорит, что решил не откладывать свадьбу на осень, а справить её сегодня же, здесь — на горном пастбище. Он уже и гостей позвал — всех родных и соседей.

Девушке бы радоваться, а у неё почемуто на сердце словно тяжёлый камень лежит.

А тут уж и гости стали съезжаться. Накрыли свадебный стол, уставили его серебром, подали всякие кушанья.

Подружки подвенечное платье принесли и венец с алмазами.

Убрали они невесту как полагается и по старинному обычаю надели ей на голову венец, а пальцы унизали кольцами.

Все вокруг будто знакомые: родня, подруги, соседи, соседки... А девушке почему-то не по себе. И верный её пёс, словно почуяв недоброе, поджал хвост, ворчит, пятится от гостей. А когда невесту усадили за стол, он выскользнул из хижины и опрометью кинулся вниз — в Мельбу.

Прибежал — и давай бросаться от человека к человеку. Лает, дёргает всех за полы, тянет за собой. Ну, люди и поняли, что в горах какая-то беда случилась.

Мигом собрались, захватили что под руки попало — топоры, палки, косы — и пошли в горы. А впереди всех — кто бы вы думали? — жених той девушки с ружьём в руках.

Первым на гору взобрался, первым подкрался к хижине да и заглянул в дверную щёлку.

И что же он видит? За накрытым столом сидят его родичи и соседи — те самые, что следом за ним бегут сюда с палками да косами. А во главе стола, рядом с невестой, сидит он сам в праздничной одежде. Пьёт, ест, смеётся...

— Ну, вот видишь,— перебил я Берту,— а ты говорила, что если русалки и тролли захотят обморочить человека, так он сам себя не узнает. А жених-то ведь узнал, где он, где не он...

— Ну и что ж, что узнал? Зато невеста не узнала, где он, где не он. А это небось похуже,— ответила Берта.— Да вы слушайте, что дальше было.

Парень сразу смекнул, что это горные тролли приняли человеческий образ, чтобы украсть у него невесту.

Недолго думая вскинул он ружьё и выстрелил прямо в потолок.

В ту же минуту дверь хижины с треском распахнулась и оттуда прямо ему под ноги покатались какие-то лохматые клубки — один другого больше.

Не помня себя жених ворвался в комнату и увидел свою невесту за свадебным столом в полном подвенечном уборе. Только на пальце у неё не хватало венчального кольца.

Весь стол был уставлен старинной серебряной посудой. А на блюдах и в чашах горами лежала всякая дрянь — ядовитые грибы, пауки, лягушки, змеи...

— Да что тут такое делается? — закричал жених не своим голосом.— И почему ты в подвенечном наряде?

— Но ведь ты сам уговорил меня сегодня венчаться,— отвечает невеста.

— Я? — спрашивает жених.— Да это был такой же я, как эта жаба — свадебный пирог. А вот теперь я — и вправду я.

— Да посмотри — вон и гости, которых ты сам привел,— говорит девушка и показывает за окно.

А там уже весь народ собрался.

Жених только смеётся. Я, мол, этих гостей для того-то и привёл, чтобы тех гостей прогнать.

Мало-помалу девушка стала понимать, что с ней случилось, и рассказала всем, как отвели ей глаза горные духи...

— Были там и такие люди, которые, как вы, не очень-то верили в духов,— посмеиваясь, сказала Берта.— Да хочешь не хочешь, поверишь, когда на столе в простой пастушьей хижине стоит серебряная посуда, а на голове у деревенской девушки сияет алмазный венец.

Не мешкая долго, жених увёз свою невесту вниз — в Мельбу и, чтобы никакому троллю не взбрело больше на ум украсть у него невесту, в тот же день обвенчался с ней, благо она уже была в свадебном наряде.

Пир был на славу. Невеста сидела за столом в том самом уборе, что принесли тролли. Только на этот раз угощение было получше, чем пауки да гадюки...

— Да, я слышал где-то эту историю,— сказал я.— Только мне говорили, что это случилось не в Халланде, а в Вальдресе,— прибавил я, чтобы немножко подразнить Берту.

Но старую Берту не так-то легко было смутить.

— Так это же совсем не то! — сказала она.— Вы, наверно, думаете про девушку по имени Барбру. Ей тоже горные духи чуть не отвели глаза, только это совсем другая история.

— Какая же? — спросил я.

— А вот какая. Шла Барбру однажды в горах и вдруг слышит такой громкий голос, будто сама гора заговорила:

— Король Хакен! Король Хакен!

— Здесь я! — отвечает голос из другой горы, да такой гулкий, что земля под ногами у неё задрожала.

— Король Хакен, сын мой, не хочешь ли ты жениться? — спрашивает первый голос.

А второй отвечает:

— Только на Барбру!

— Будет по-твоему.

Так оно и случилось. Не успела Барбру шагу сделать, как вдруг одна гора раскрылась и оттуда вышли девушки со свадебным убором в руках. Окружили они Барбру и стали обряжать её к венцу. А Барбру точно оцепенела: что ей говорят, то и делает.

Тем временем из другой горы выехали всадники на чёрных лошадях. Впереди всех ехал сам король Хакен, весь в золоте и серебре.

Так бы и увели тролли бедняжку Барбру в свои подземные пещеры, да на её счастье неподалеку в горах охотился её жених.

Потом он рассказывал людям, что ни с того ни с сего стало ему вдруг так тяжело, так беспокойно, будто кто ему на ухо шепнул:

«Торопись, не то беда будет!»

Бросился он бежать. Сам не знает, куда бежит, а ноги его несут прямо туда, где его невесту венчают с королём Хакеном.

Прибежал он, видит: стоят чёрные лошади под старинными седлами, какие-то люди толпятся, праздничные столы готовят. А девушки наряжают Барбру к венцу. Убрали её как полагается и подвели к своему королю.

— Всё готово,— говорят.— Только надо ей глаза отвести.

Тут жених сорвал с плеча ружьё, зарядил его — да не пулей, а старинной дедовской пуговицей — и выстрелил прямо в короля Хакена. Тот сразу упал как подкошенный. А в горах застонало, загудело, и вся земля затряслась.

Тролли подхватили на руки своего короля и в один миг исчезли в расселине скалы. А со стола запрыгали лягушки, поползли во все стороны черви да змеи и всякая прочая нечисть. Только подвенечный убор и блюдо из литого серебра так и остались у Барбру. А потом они перешли к её дочке, а от дочки — внучке. Не верите — пойдите, сами увидите.

Берта могла бы рассказывать без конца, но в это время за окошком послышался скрип полозьев и фыркание лошадей. Это за мной приехали из имения.

Я распростился с Бертой, поблагодарил её за рассказы, дал несколько монет за лечение и отправился домой.

Холодные примочки и спиртовые компрессы очень помогли мне. Через несколько дней я опять бегал на лыжах как ни в чём не бывало.

Старая Берта приходила навестить меня. Она нисколько не удивилась, узнав, что я уже здоров, и не без гордости сказала на кухне:

— Что ж, тому, кто знает тайные заклинания дяди Масса из Кнэ, не трудно вылечить ушибленную ногу. Мне и сломанные доводилось

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

лечить...

Тут ребяташки, которым я уже успел рассказать, как лечила меня Берта, окружили её и со смехом запели:

Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срастутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!

Старая Берта сначала очень рассердилась и дня три не показывалась у нас в имении. Но в конце концов мы с ней помирились, и она рассказала мне еще немало чудесных историй. Однако уже никогда больше не открывала она мне секретов своего колдовства и не произносила при мне — ни вслух, ни шёпотом — таинственных заклинаний дяди Масса из Кнэ.